

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

«Приведи эту девочку, она немка»

Глядя на губкинских малышей, Лидия Кубарева вспоминает своё детство на Смоленщине. Поседевшую за три дня мать, жизнь в лесу на телеге, фашистов, которые могли расстрелять или помиловать.

С Лидией Кубаревой мы встретились в сквере имени Лазарева, у памятника труженикам тыла. Сюда она часто приходит отдохнуть, посмотреть, как гуляют мамы с колясками, играет ребяты. И вспоминает, что самой ей досталось совсем другое детство, военное. С бомбёжками, голодом, борьбой за существование.

Оккупация

– Вот смотрите, я начну с этого, – Лидия Трофимовна разворачивает принесённую с собой карту, – Видите, здесь расположен Мстиславль, в ту пору он находился в составе Белорусской ССР. Отсюда примерно через 30 километров – Хиславичи. Вот в этом районе, в деревне Растегаевка, я и жила. Вы, конечно, помните из истории, как немецкая армия в начале войны продвигалась по нашей территории с большой скоростью. За несколько месяцев враги прошли Украину и Белоруссию и вплотную приблизились к Смоленской области. Она лежала на пути гитлеровцев к Москве, поэтому бои тут велись страшные. Безусловно, я маленькая многого не понимала, но что сохранилось обрывками – не забудется.

Хиславичский район оккупировали в июле 1941 года. Первое ощущение беды к трёхлетней

Лиде пришло во время наступления немцев на родную деревню. Врезалось в память, как они ехали и жгли всё, что под руку подворачивалось: хозяйственные постройки, дома, урожай. Пожар особенно ярко всплывает в голове.

Пожар

– У нас крыша соломенная вспыхнула. Старшие кинулись воду носить из колодца. А я помогала подцеплять ведра на крюки, за которые потом наверх их тащили. С трудом поддевала, и, может, не вполне знала, для чего это, – рассказывает Лидия Трофимовна.

Добротный дубовый дом Шапортовых (Лидя в детстве носила такую фамилию) немецкий комендант выбрал для поселения. Поэтому семью выселили к родственникам и возвращаться ненадолго позволялось лишь если комендант уезжал. Правда, ночевать не разрешали. Да и негде было: на чердаке, наставив раскладушек, для полицаяев обустроили общую спальню. Один из них – Кукушкин – во время отъезда коменданта оставался за главного. И хотя он сотрудничал с врагами, местных жалел. Особенно малышей. Как ни странно, любил детей и сам комендант.

– Я была светленькая, почти белая, глаза голубые. Говорил полицейскому: «Приведи эту де-

вочку, она немка». Меня приводили, и комендант нянчился со мной. Но по блажке нашей семье не давали, – вспоминает Лидия Трофимовна.

Голод

Оккупантов боялись, старались не попадаться им на глаза. Встреча могла закончиться чем угодно: от физического наказания – до расстрела. Особенно строго фашисты следили за урожаем. Оттого деревенские жили впроголодь. Семья Шапортовых, как и некоторые другие, вынуждено перебралась в лес. Там, на самой обычной деревянной телеге, устеленной соломой, и жили. Есть стало совсем нечего. Взрослые тайком пробирались в деревню: сорвать что-нибудь с огорода, и, если повезёт, раздобыть куриных яиц или поймать голубя.

Однажды мама Лидии – Уляна – отправилась за едой и пропала на трое суток. Её дочери в ожидании сидели, вцепившись в телегу и обнявшись от страха.

Мама

– Она всё не возвращалась, а мы опасались встать. Да и куда идти? Только обнимали друг друга и плакали. Мама же попала на глаза оккупанту, который загнал её во двор и не велел уходить. Через три дня она решилась на хитрость. Сделав вид, что идёт за водой, спустилась к речке. Отдалившись, бросилась бежать. Но её заметили, догнали и снова привели к нам во двор. Один из

Лидия Кубарева: «Всё что делаем – ради будущего»

немцев поставил к стене и трижды выстрелил прямо над головой. От страха она оцепенела. А чуть позже, когда немец отвлекся, к маме подошёл другой. «Сколько у тебя детей?» – спросил и, услышав ответ, подал три бруска мыла. Сказал: «Беги по берегу к лесу, а я по верху пойду, посмотрю, чтобы никто тебя не тронул». Так и побежала, а он шёл следом и глядел. Мама вернулась седая. А те следы от пуль в стене заделал отец, когда война кончилась, – продолжает Лидия Трофимовна.

Но этот поступок скорее исключение. Большинство немцев были в лучшем случае равнодушны, а чаще – жестоки. И не только они. На Смоленщине воевали и их союзники, польские отряды. Про них в народе говорили: во сто крат хуже самых злых немцев. Вот и Лидия Кубарева припоминает, как страшались поляков, разбежались кто куда, если те появлялись в округе.

Освобождение

В сентябре 1943 года Хиславичи освободили от

захватчиков. Отступая, вражеские силы расстреливали людей, громили дома и предавали огню всё подряд. Район выжгли на 70 процентов.

– Когда гитлеровцы капитулировали, заминировали что смогли. А советские войска потом искали снаряды. Наш дом несколько раз проверяли. Помню: сигнал миноискателя всё пищал и пищал, а где именно запрятана мина, не понимали. В конце концов, сапёр догадался проверить дымоход. Там и обнаружил взрывное устройство. До сих пор страшно думать, что было бы, если б мы затопили печь, – сокрушается Лидия Трофимовна.

Мир!

После войны Шапортовы, как и все в СССР, бедствовали. С фронта возвратился отец. Взрослые кое-как нашли работу. Дети, наконец, отправились в школу. Еды, одежды и обуви не хватало, но потихоньку справлялись. Жаловаться не было привычки. Медленно, но быт налаживался. Окончив школу, Лидия

трудилась на стройке, хотела поступать в техникум. Но от работы, как одну из самых смыслёных, направили в Днепрпетровский инженерно-строительный институт. Там познакомилась с будущим мужем Петром. Он приехал из Курской области и тоже испытал все тяготы войны. Молодые люди потянулись друг к другу и вскоре поженились. Лидия трудилась начальником двух отделов: контроля качества и строительной лаборатории в тресте «КМАрудстрой». В институте читала лекции: промышленное и гражданское строительство, метрология и практика.

Вырастали с мужем дочерей Нину и Татьяну.

– У нас все технари. Татьяна – инженер-строитель, Нина получила диплом по специальности прикладная математика, информатика и механика. Я их натаскивала, стружку с них снимала. Внучки радуют. Наташа учится на зооинженера, Надя трудится экономистом, а Настя – на комбинате КМАруда в проектно-конструкторском отделе. И их старалась воспитывать. Знаете, всё что делаем – ради будущего, ради детей. И родную землю наша армия отстояла, чтобы мы мирно жили, – размышляет, прогуливаясь со мной у памятника, Лидия Трофимовна.

Наблюдая как ребяты резвятся возле монумента, она еле сдерживает слёзы. Слёзы о своём опалённом детстве? Или слёзы радости от того, что нынешние малыши не знают, что такое война?
Наталья ВАЙЛЕРДТ

СОБЫТИЕ

ПОКЛЯЛИСЬ В ВЕРНОСТИ

В марте в клубе «За Родину!» ждали представителей Минобороны. В наш регион комиссия прибыла, чтобы проверить, как обстоят дела с подготовкой парней к армии. И пока военные знакомились с патриотической работой округа, в клубе звучали клятвы в верности Отчизне.

Ребята в красных беретах и футболках выделялись среди других. И, кажется, ужасно гордились и этими беретами,

и тем, что вот-вот станут юнармейцами. Церемония, как и полагается, ожидалась торжественная. А пока воспитанники отрядов «Дружина» и «Журавлики» и кадеты гимназии №6 обсуждали у кого кто воевал. Наконец, звучит музыка, построение и вот то, ради чего все собрались.

– Командиру отряда выйти из строя, приступить к клятве, – приказывает начштаба местного отделения

Клятва юнармейцев

юнармии, атаман Осколецкого казачества Николай Тарасов.

– Я, вступая в ряды юнармии, клянусь всегда быть верным отечеству, – звучит голос командира.

– Клянусь! – вторят ему ребята.

– Всегда быть защитником слабых.

– Клянусь!

Руководитель поискового клуба «За Родину!», инструктор по патриотической работе комбина-

та КМАруда Александр Юдин поздравил новопришедших юнармейцев, а кадеты гимназии №6 вручили им нагрудные знаки.

Напомним, что первую клятву губкинские юнармейцы произнесли в 2017 году. Сегодня у нас уже 35 отрядов. К движению присоединились 658 мальчишек и девочек округа. Есть теперь такой отряд и в школе №13.

Ольга КОНОНЫХИНА